

A close-up portrait of a middle-aged man with a shaved head and black-rimmed glasses. He is wearing a red collared shirt under a grey textured blazer. He is resting his chin on his right hand, which has a ring on the ring finger. The background is dark and out of focus.

АРМЕН ГАСПАРЯН

**НОВАЯ
ХОЛОДНАЯ
ВОЙНА**

КТО ПОБЕДИТ В ЭТОТ РАЗ?

Армен Гаспарян

**Новая холодная война.
Кто победит в этот раз?**

«ЭКСМО»

2018

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)

Гаспарян А. С.

Новая холодная война. Кто победит в этот раз? / А. С. Гаспарян —
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-093190-3

Новая книга известного историка и публициста Армена Гаспаряна рассказывает о противостоянии России и западного мира на современном этапе. Проследивая истоки новой холодной войны, начиная с распада СССР, автор делится уникальными подробностями, которые позволяют по-новому увидеть геополитический масштаб тлеющего конфликта между Россией и Западом, в первую очередь США. Читатель узнает о сложных политических, дипломатических и шпионских интригах от 1990-х годов до настоящего времени.

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-04-093190-3

© Гаспарян А. С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Крах советской империи глазами последнего комсомольца	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Армен Гаспарян
Новая холодная война.
Кто победит в этот раз?

© Гаспарян А., 2018

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Предисловие

Холодная война обошлась миру дешевле Второй мировой. Обычно ведь историки и политики меряют все человеческими жизнями. Все к этому привыкли. Назвал число погибших – и сразу все о военном конфликте понятно. Но в нашем случае этот стандарт не работает. Противостояние СССР и США избежало масштабных кровопролитных боев и бомбардировок городов. Конфронтация носила ярко выраженный психологический характер. Но давайте при этом не станем сбрасывать со счетов невероятное напряжение сил двух крупнейших мировых держав и гигантские материальные потери.

Казалось бы, еще в 1941 году ничего подобного развития событий не предвещало. Президент США Франклин Рузвельт сразу после нападения Германии на СССР писал: «Это означает освобождение Европы от нацистского доминирования. В то же время я не думаю, что нам следует беспокоиться о какой-либо возможности русского доминирования». Американский лидер был убежден, что страны антигитлеровской коалиции смогут совместно действовать и после сокрушения гитлеровского режима. И одной из своих основных задач Рузвельт видел установление доверительных отношений между Кремлем и Белым домом.

Но стоило только красному знамени взвиться на Рейхстагом, как все моментально изменилось. США почувствовали рост симпатий в мире к СССР, и началась глобальная борьба по всем направлениям. Прежде всего – в идеологии. Напрасно многие считают, что главным фактором холодной войны стало ядерное оружие. Оно было важным, но вовсе не доминирующим. На первый план вышла борьба за умы и настроение людей во всем мире. Нужно было убедительно доказать превосходство именно своего политического строя. Даже спорт стал ареной идеологического противостояния. Вспомним слова американского президента Кеннеди: «Международный престиж страны измеряется двумя вещами: ядерными ракетами и золотыми олимпийскими медалями». Это вовсе не фигура речи. Просто надо понимать, что и успехи спортсменов рассматривались через призму успешности собственной политики.

Сегодня в США убеждены, что они победили в холодной войне, так же как в России многие осознают, что проиграли. Я категорически не согласен с этой оценкой. Вашингтон не праздновал викторию, а Москва не впала в горе побежденных. Позвольте, скажет кто-то автору, но ведь распад СССР послужил окончанием идеологического противостояния. Значит, США выиграли. О чем тут спорить? Механика сказала бы: «Да!» Стратегия говорит: «Нет!»

Вашингтон ставил перед собой задачу уничтожения того, что они называли «Враг номер 1» и «Империя зла». Этого они не достигли. После страшных 90-х годов Москва нашла в себе силы вернуться на мировую арену и снова стать влиятельнейшей страной. Но при этом НАТО придвинуло свои базы к самым границам России, американские политики все чаще обращаются к риторике времен холодной войны, демонизируя Россию в глазах всего мира.

Конечно, хотелось бы верить в лучшее, что Белый Дом сделает ставку на взаимовыгодное сотрудничество, будет стараться адекватно воспринимать интересы других стран и решать возникшие противоречия за столом переговоров. По пока мы должны с грустью констатировать, что холодная война не закончилась в 1991 году. На наших глазах начался ее новый виток. Об этих событиях, во многих из которых автору довелось поучаствовать лично, и пойдет речь в данной книге.

Глава 1. Крах советской империи глазами последнего комсомольца

О том, как происходило поражение в холодной войне в 1989–1991 годах и о чем сегодня не любят вспоминать

1.1. Законсервированная идеология

За последние пятнадцать-двадцать лет в российском обществе – во многом благодаря позиции стран Запада – укоренилась весьма и весьма странная точка зрения на причины распада Советского Союза. Суть сводится к тому, что СССР рухнул якобы из-за своей экономической несостоятельности, недееспособности. Нам рассказывают о великом множестве самых разных факторов, которые возникали будто бы начиная чуть ли не с 1946 года. Для чего все это делается? Да для того чтобы «задвинуть», отвести в сторону ключевой вопрос: отчего на самом деле исчезла эта великая страна?

Как известно, американские военные деятели совершенно искренне называют себя победителями в холодной войне, некоторые даже ждут вручения им медали Конгресса США за сокрушение «Красной империи зла» и спасение «свободного мира» от коммунизма. В основе – та же самая «телега»: мол, экономика Советского Союза была ущербной и не выдержала первого же соприкосновения с западной экономической моделью, что и привело к полному краху СССР со всей его семидесятичетырехлетней историей.

На самом деле и это все – лишь для того, чтобы задвинуть подальше с глаз самый важный момент новейшей истории – распад Советского Союза и, как следствие, то, что сегодня в Америке называют «победой в холодной войне», явилось результатом фатальной ошибки, приведшей к кризису идеологии. И началось все вовсе не с приходом к власти Михаила Горбачева, объявившего перестройку и наступление эры «нового мышления». Началось это, как ни странно, с позиции самого основателя Советского государства – Владимира Ильича Ленина.

Дело в том, что сама государственная модель, которую установили в Стране Советов большевики после Гражданской войны, не подразумевала целого ряда важнейших институтов, необходимых для полноценной жизни любого нормального общества. Политология и социология как науки толком не существовали; философия находилась в абсолютнейшем загоне – философов, пытавшихся широко мыслить, в лучшем случае увольняли с работы, в худшем же отправляли в места не столь отдаленные.

Плюс к этому внутри советского общества в принципе отсутствовала полемика по самым насущным вопросам. Да, на определенном этапе – до конца 1920-х годов – она еще как-то велась внутри партии. При этом, как мы сейчас понимаем, велась чрезвычайно узкой группой людей и по крайне узко обозначенным вопросам, вовсе не являющимся главенствующими с точки зрения государственного построения.

В дальнейшем, уже в 1930-х годах, Сталин взял за основу тот же вектор движения и убрал из партийной жизни всякое представление о полемике как таковой. Партия всегда единогласно голосовала за предложения своего вождя. Плюс к этому после смерти Ленина его единственным правильным учеником был назван сам товарищ Сталин, который оказался – как ни парадоксально для многих это прозвучит – последним серьезным государственным и партийным теоретиком. Его работа «Основы ленинизма» – действительно фундаментальное философское и политологическое произведение, но оно представляет собой скорее исключение из общего правила.

Почему? В первую очередь потому, что ни один из видных деятелей партии большевиков не оставил к 1930-м годам никакого серьезного философского, политологического или социологического наследия. Те, кто не согласен с этим утверждением, говорят: как же так, ведь издавались труды Ворошилова, Мехлиса, Ярославского и многих им подобных. Но обычно люди, которые так рассуждают, в глаза не видели ни одной из этих книг, на деле представляющих собой винегрет из лозунгов и призывов, не имеющий ничего общего с какой бы то ни было идеологией. Пафос этих работ исключительно в том, что надо лучше работать на пути построения коммунизма.

Победа в Великой Отечественной войне показала, что курс партией выбран правильный, поэтому никто и никогда не пытался его изменить даже в малом. А что происходит далее? Сталин умирает, и вместе с ним умирает так называемая партийная идеология. Почему? Да потому, что незадолго до смерти Сталина одну из ключевых ролей в государстве занял Михаил Андреевич Суслов. Для многих современных читателей, особенно молодых, это имя совсем ни о чем не говорит. Хотя их родители, бывшие студентами высших учебных заведений в 1970–1980-х годах, вздрогнут от ужаса, услышав слова «истмат» и «диамат» – сдавать экзамены по этим предметам было сущим мучением.

Оглядываясь назад, мы можем определить, в чем была главная ошибка Суслова. Он намертво законсервировал государственную идеологию в том виде, в каком она существовала при Сталине, и в течение всей своей жизни ревностно следил, чтобы это состояние не менялось, – а Суслов прожил, как известно, до января 1982 года, дата его кончины теперь выглядит символической, она словно предварила собой завершение «брежневской» эпохи. Любые попытки хоть как-то анализировать политику или социологию – да, в конце концов, развивать философию в рамках марксистско-ленинского дискурса – были обречены на провал: Михаил Андреевич с невероятной тщательностью вырезал все, что казалось ему неправильным, из всех готовящихся к выходу книг. Результатом стало то, что на протяжении более чем сорока лет государство с точки зрения развития политической модели не продвинулось никуда. Здесь и кроются корни тех самых «роковых ошибок», в которых у нас принято обвинять сначала Хрущева, а потом Брежнева. Я имею в виду знаменитые заявления о том, что «мы уже построили социализм и теперь надо строить коммунизм», а то и вовсе – «коммунизм будет полностью построен к 1980 году», «следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и тому подобное. Не единожды провозгласив эти лозунги с самой высокой трибуны, государство не сделало ровным счетом ничего, чтобы хоть как-то подкрепить высказанную идею с философской, политической или идеологической точки зрения.

Что получилось в итоге? Страны Запада активнейшим образом критиковали социалистическую модель, доказывая, что по поводу ее эффективности есть вопросы со всех сторон – экономической, общественной и политической. Советская власть на эту критику совсем никак не отвечала. Почему? Те, кто постарше, могут вспомнить слова Суслова: «КПСС есть ум, честь и совесть нашей эпохи». Как говорится, сказал – как отрезал, и на этом всё. Доказательств такие тезисы не требуют.

И вот со всем этим мы приходим к началу 1980-х годов. Именно тогда наступает время, которое, говоря словами Цицерона, можно определить как «начало конца» Первой холодной войны. Дело тут вот в чем. Михаил Суслов, как известно, оставил после себя собрание сочинений аж в трех томах. Большинство людей, рассуждающих о последних двадцати годах Советской власти, не прочитали ни страницы из этих «замечательных» книг. Просто потому, что в противном случае они пришли бы в изумление. Суслов пересказывает – причем очень нудным языком – версию о главенствующей роли таких красных полководцев, как Ворошилов и Фрунзе, в разгроме белогвардейщины и в столь же скучной манере напоминает о необходимости тщательного и всестороннего изучения работ Ленина. Кроме этого, он не говорит... вообще ни о чем. Если рассматривать трехтомник Суслова как попытку дать идейное обос-

нование социализму в современном мире, то эта попытка абсолютнейшим образом провалилась. Даже в, казалось бы, насквозь идеологизированном советском обществе, где в принципе принято было читать работы партийных вождей, изучать труды Суслова люди категорически отказывались.

И вот начинается перестройка. Михаил Сергеевич Горбачев объявляет, что необходимо переходить к «новому мышлению» и отказываться от старых догм. Ему верят. Сначала, как это всегда бывало в нашей стране, решили, что общий кризис системы наступил только потому, что заветы Ленина были неправильно поняты. Сделали вывод, что труды вождя мировой революции надо переосмыслить. Попробовали – но тут же возникли проблемы. Все упиралось в Высшую партийную школу ЦК КПСС. Созданная еще задолго до перестроечных событий, она оказалась абсолютно недееспособной.

Суслов за тридцать лет не просто вытоптал там все относительно живое, но и залил поляну бетоном, чтобы не было даже намек на какие-либо ростки нового. И когда Горбачев призвал в очередной раз трепетно и нежно пересмотреть творческое наследие Ленина, выяснилось, что заниматься этим в принципе некому. Штатный состав партийных пропагандистов мог только повторять те клише, что содержались в инструкциях ЦК КПСС, составленных Михаилом Андреевичем Сусловым, – никаких иных направляющих документов попросту не было.

Я вовсе не сгущаю краски. Могу привести читателям пример – на мой взгляд, самый яркий и показательный. Вся наша страна изучала в школах, в техникумах, в институтах и в университетах труды Ленина, тщательно их конспектируя. Лично я, школьник последних лет Советского Союза, занимался этим начиная с шестого класса. При этом никто всерьез не задумывался, что там в ленинских работах написано и какое все это имеет отношение к нашей сегодняшней действительности. Именно по этой причине большинство из нас до сих пор затрудняется ответить, например, на вопрос, откуда взялась дата 23 февраля. Никто не вспоминает, о чем писал Ленин в феврале 1918 года в своих статьях «Мир или война» (опубликована в газете «Правда» как раз 23 февраля) и особенно «Тяжелый, но необходимый урок» (опубликована там же 25 февраля). А ведь в них он как раз рассуждает о необходимости создания Красной армии. Вся страна изучала эти статьи в обязательном порядке, более того, заучивала их, как говорится, «близко к тексту», но практически никто не запомнил, о чем они. И вся эта модель проработала много лет самым благополучным образом.

Таким образом, когда началась перестройка, на профессиональных пропагандистов ЦК КПСС никакой надежды, с точки зрения пропаганды «нового мышления», не было. Тогда было принято принципиально новое для Советской власти решение, от которого пришли в замешательство многие советологи на Западе. Они-то привыкли к мысли о том, что базовая идеологическая модель, на которой держалось сознание советского общества, так и будет существовать всегда. Но положение дел изменилось: когда партийные пропагандисты не справились с возложенными на них гениальными задачами, в дело вступили журналисты. Хотя они и проходили абсолютно по тому же самому ведомству агитации и пропаганды ЦК КПСС, что и все остальные, но по формальному признаку являлись своего рода «властителями умов».

Первое, что решил сделать Михаил Сергеевич руками журналистов, – это вывести некую закономерность и определить всю последовательность действий руководства СССР со времен Хрущева. Именно тот период было решено считать последним хорошим периодом советской истории, а всю эпоху правления Брежнева объявили «застойной», в которой по определению не могло быть ничего положительного. Чем же так была хороша для Горбачева хрущевская «оттепель»? В первую очередь тем, что именно тогда, на XX съезде партии, был прочитан знаменитый доклад о культе личности и его пагубных последствиях. При этом парадоксальным образом Советский Союз оказался единственной страной в мире, где население... не знало

содержания этого самого доклада. Он, как известно, был издан у нас только во времена перестройки, то есть правления Горбачева, хотя на Западе текст доклада появился уже через неделю после съезда и потом ходил по рукам в кругах советской интеллигенции в формате «самиздата» или «тамиздата», заставляя читателей поражаться. Вопросы доклад вызывал множество – и на многие из них, кстати, до сих пор не получено ответа.

И вот теперь Горбачев решает, что надо оттолкнуться от хрущевского наследия и начать разоблачать тоталитарную модель советского общества. Это означает, что Политбюро ЦК КПСС встает точно на ту же самую позицию, на которой находятся страны Запада – извечные и ярые противники всего советского. И критикуют они одни и те же явления и примерно в одних и тех же выражениях.

Сложилась абсолютно парадоксальная ситуация. Готовясь к работе над этой книгой, я не поленился перелистать журнал русской эмиграции «Посев» за 1970–1980-е годы, благо сейчас это не составляет труда. Для тех, кто не помнит, наминаю: «Посев» – главный печатный орган знаменитого Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС), то есть самое главное антисоветское издание того времени, поскольку в Народно-трудовом союзе собрались главные враги Советской власти (по определению идеологов ЦК КПСС).

Я сравнил материалы журнала «Посев» с тем, что писали, например, в «Огоньке» в 1987–1989 годах. И могу откровенно сказать: под большинством публикаций этого популярного советского журнала подписались бы многие старики-антисоветчики из НТС, и сделали бы это с большой охотой. Оба издания совершенно одинаково освещали роль Ленина и его сподвижников – всех их представляли кровавыми маньяками, уничтожавшими лучшие умы России и издававшимися над ее народом.

В связи с этим возникает вполне логичный и обоснованный вопрос: зачем же надо было столько лет бороться с проклятой западной пропагандой, раз она всегда утверждала то же самое, что теперь говорят лидеры Советского Союза в лице Горбачева? К слову, если принять такую точку зрения – что задачей кровавого советского режима всегда было не экономическое развитие страны, а всего лишь подавление и уничтожение всяческого инакомыслия, – то первоочередной задачей того же Горбачева должно было стать немедленное привлечение к управлению государством лучших умов Стэнфордского, Сиракузского, Гарвардского и прочих американских университетов, в том числе введение их в состав Политбюро. Ведь они давно предвосхитили и предсказали его позицию.

Вот и попробуйте теперь представить себе следующую ситуацию. В обществе, где буквально только что с пафосом отметили 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции, все громче и громче раздаются голоса: «Позвольте, что вы отмечаете? Среди деятелей этой революции не было ни одного порядочного человека, только палачи и маньяки, кровавые упыри и преступники! И еще, в довершение всего, они все впоследствии были расстреляны лично Сталиным!» Получалось, что в руководстве Страны Советов не было ни одного нормального человека, и теперь «перестроечная» печать активнейшим образом разоблачает всех видных партийных, советских и государственных деятелей, кого ни возьми.

1.2. Под флагом врага

Все наши современные либералы с их извращенными представлениями об истории, особенно о Второй мировой войне, сформировались как «бунтующие» личности как раз в эпоху перестройки. Оттуда все их умопостроения – притом, что на Западе даже самые отъявленные антисоветчики и русофобы не договорились до того, что Александр Матросов на самом деле поскользнулся, Николай Гастелло перепутал педали в самолете, Зоя Космодемьянская была психически неуравновешенной и даже лечилась в психбольнице. Как и до того, что Советская армия в принципе не могла взять верх над силами Третьего рейха, поражение которого объяс-

няется исключительно недалёковидностью Гитлера, а также до того, что все советские люди – стукачи и подонки, что спецслужбы надо немедленно разогнать и тому подобное.

Свершилось нечто поразительное – Советский Союз в лице своих вождей сделал для собственного разрушения в сотни раз больше, чем все западные спецслужбы и социологические институты, вместе взятые. Не побоюсь утверждать, что на Западе ни одному человеку даже в голову не могло прийти, что советское общество начнет добровольно, шаг за шагом ликвидировать собственную нравственную основу. Началось же все это с пересмотра исторических моделей СССР образца 1920–1930-х годов. Если бы Михаил Сергеевич Горбачев на этом и утомился, то вполне возможно, что Советский Союз в том или ином виде продолжил бы свое существование. Но беда заключалась в том, что в отличие от Хрущева, который заявил о культе личности, а потом просто законсервировал взгляды на историю, Горбачев со товарищи понёсся дальше.

Тут-то и начинается самое главное. Почему-то не многие знают, что развитие так называемого кооперативного движения – это вовсе не заслуга Горбачева и компании и даже не их изобретение. Разнообразные кооперативы, артели, тресты, всевозможные торгсины замечательным образом существовали с первых лет Советской власти и были глубоко интегрированы в советскую экономику, занимая те ниши, которые не могла заполнить в силу своей специфики достаточно тяжеловесная «большая» промышленность. Напомню, что специфика промышленности была обусловлена еще и тем, что советским людям, по сути, постоянно приходилось восстанавливать страну – сначала после Гражданской войны, затем – после Великой Отечественной. Естественно, это требовало значительных финансовых затрат, огромного морального и физического напряжения, непомерных интеллектуальных усилий. Кооперативы в подобной ситуации были весьма уместны – как своего рода оазисы частной инициативы среди царства государственной собственности.

Хрущев все переключил – собственно, с этого и начался кризис производства товаров народного потребления в Советском Союзе. В один момент была уничтожена важная сфера экономики. Хрущев, видимо, рассуждал так: кооперативная форма производства должна отмереть, поскольку социализм мы уже построили и нам остался последний решающий рывок к коммунизму, где товарно-денежные отношения вообще отомрут. Не исключено, что Никита Сергеевич искренне верил в эту классическую утопию ранних большевиков образца начала 1918 года. У большинства из них иллюзии выветрились в ходе кровавой Гражданской войны, но их последствия продолжали сказываться спустя десятилетия, причем на уровне высшего государственного и партийного руководства.

И вот Горбачев в 1987 году говорит о том, что надо возрождать кооперативное движение, и называет это одним из путей преобразования нашей экономики и общества в целом. Все бы ничего, вот только идеология, существовавшая на государственном уровне, фактически отменяла такую возможность. Люди, которые хотели зарабатывать деньги через кооперативы, подвергались обвинениям в стяжательстве, в создании подпольных предприятий, их называли «цеховиками» – тогда это слово звучало уничижительно.

Подобные действия не только морально осуждались – они приравнивались к хищению государственных средств в особо крупных размерах и попадали в поле зрения отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) МВД СССР. Предпринимчивых деятелей теневой экономики сурово карали, приговаривая к большим срокам заключения, а иногда и к высшей мере социальной защиты, то есть расстрелу.

Что же получается? ОБХСС как действовали, так и действуют. Государственная идеология не меняется, поскольку менять ее некому – последним, кто мог бы это сделать, был сам Суслов, но он уже умер, остальные историки и преподаватели истмата и диамата не обладают

необходимыми полномочиями. При этом вчерашние преследуемые «цеховики» становятся уважаемыми людьми, принципиальные позиции экономической жизни страны меняются.

Советское общество вздрагивает, у него уходит почва из-под ног. С одной стороны, на партийных собраниях людям по-прежнему внушают, что частное предпринимательство – это одна из черт хищнического оскала загнивающего западного капитализма, только там возможно такое непотребство. О том же самом им регулярно напоминают по радио и с экранов телевизоров, со страниц все еще советских, партийных газет и журналов. А параллельно граждане узнают, что в стране пышным цветом начинает расцветать кооперативное движение, которое является не чем иным, как отечественным вариантом частного бизнеса, осуждаемого и проклинаемого, причем это явление приветствуется, и в какой-то момент слово «кооператор» становится едва ли не ключевым и самым модным в повседневном общении. Кооператорам завидуют, им подражают, с них берут пример. Улицы заполнили коммерческие киоски и палатки – «комки», по тогдашней жаргонной терминологии.

Сейчас, кстати, некоторые публичные деятели пытаются доказывать, что «комки» как явление были свойственны исключительно периоду, получившему название «страшных девяностых», но это полная ерунда. Первые «комки» появляются в СССР в конце 1987 года и в 1988-м уже становятся неотъемлемой частью городского пейзажа. Сначала все выглядит вполне интеллигентно. По формальному признаку под «комком» мог подразумеваться даже киоск «Союзпечати», который помимо газет и журналов торговал чем-нибудь еще, но – внимание! – не по государственным ценам, а по коммерческим. Продавались в «комках», как правило, самые ходовые товары. Для советских людей это были финские сигареты, пиво в банках, чаще всего австрийское, жевательная резинка, шоколадки, произведенные либо в Финляндии, либо в Польше. Самым же доходным делом для любого кооператора была реализация разнообразных модных плакатов и открыток. Вспоминаю, как в конце 1980-х буквально ста шагов нельзя было пройти, чтобы не наткнуться на «комок», из которого жизнерадостно улыбалась физиономия Арнольда Шварценеггера или Сильвестра Сталлоне в роли Рембо, пачками крошащего советских солдат в Афганистане. Компанию им составляли звезды из мира рок-музыки и шоу-бизнеса – ну и так далее.

Вот такой парадокс – «комки» встречались на каждом шагу, при том что согласно официальной идеологии с ними следовало бы бороться. Однако простой советский постовой милиционер не мог ничего поделать с этим злом – любой кооператор показал бы ему постановление ЦК КПСС «О кооперативном движении» и отослал бы к статьям в главной партийной газете «Правда», где доходчиво объяснялось, что торговля атрибутикой «идеологических противников» полезна, да и вообще, для построения коммунизма просто необходимо, чтобы в нашей стране процветали и обогащались такие, как он, кооператоры. Возникал идеологический тупик: с одной стороны, с проявлениями капиталистического образа жизни надо было бороться, с другой – они признавались правильными.

Страны Запада, наблюдая за всем этим, сделали для себя единственно верный вывод: если «Совдепия» сама, по доброй воле, готова сокрушить собственную внутреннюю идеологию, давайте ей в этом всячески поможем. В СССР мутным потоком хлынуло все, что вчера еще строго запрещалось, от чего отгораживались «железным занавесом»: западные фильмы, западная музыка, западная литература и вообще западная массовая культура. Пышным цветом расцвел «черный рынок», о чем недавно нельзя было и помыслить. Для нынешнего поколения молодежи, юношей и девушек конца второго десятилетия XXI века, это понятие звучит примерно как «татаро-монгольское иго» – слышали, будто в истории такое явление было, но объяснить его сущность с позиций сегодняшнего дня в принципе невозможно. А в конце 1980-х на «черном рынке» можно было приобрести все что угодно – от модных грампластинок до гуталина.

Я тогда был обычным московским школьником. Помню, что москвичи прекрасно ориентировались в том, на каких «точках» чем торгуют и по какой цене – это касалось как центра столицы, так и ее окраин. Разумеется, все происходило при абсолютном попустительстве властей, а точнее – при их молчаливом пособничестве. Комсомольские организации со своими знаменитыми добровольными народными дружинами (я тоже в них входил), которые когда-то вели беспощадную борьбу со стилигами и прочими носителями буржуазной заразы, теперь даже не пытались помешать распространению кооперативной торговли, поскольку все видели, что она становится частью государственной машины.

Удивительнейшая складывалась картина. Сегодняшнему молодому человеку, родившемуся уже после крушения Советского Союза, который может слушать любую музыку и смотреть любые фильмы на мобильном телефоне, не говоря уже о компьютере, невероятно сложно понять, что когда-то все было совершенно иначе. Кто теперь поверит, что в пору, когда еще был жив товарищ Суслов, в СССР на полном серьезе был составлен список... запрещенных западных рок-групп! По какому принципу туда вносились эстрадные музыкальные коллективы разных стран, ни я, ни другие мои ровесники не можем понять до сих пор. Да и сейчас ни один психически нормальный человек не сможет понять и тем более объяснить, каким образом можно было запретить с формулировкой «за пропаганду нацизма» рок-группу «Кисс», где двое из четверых исполнителей были евреями! Причем их родители были жертвами Холокоста, сидели в нацистских концлагерях... И таких примеров было множество. Сегодня это кажется невероятной нелепостью, а тогда за прослушивание «идейно чуждой» музыки можно было серьезно поплатиться.

Список, составленный при Суслове, как был, так и остался, однако всего через пять лет после кончины «серого кардинала» Страны Советов советская же молодежная печать начала восхвалять запрещаемые вчера музыкальные коллективы.

Помню, как каждый четверг в школе на специальных занятиях по политинформации – такие тоже существовали! – нам сообщали, что позволительно слушать советским подросткам, пионерам и комсомольцам, а что ни в коем случае нельзя. Уроки заканчивались, по дороге домой я заходил в музыкальный магазин, расположенный напротив школы, и, к своему огромному удивлению, видел на витрине пластинки тех самых групп, о которых старшие товарищи только что мне говорили, будто слушать эти группы – все равно что Родине изменять. В них, мол, играют и поют фашисты, нацисты, пропагандисты разрушительных идей всех мастей и тому подобное.

Я еще маленький, но уже сознательный гражданин Советского Союза – мне 13–14 лет, возраст, когда формируются нравственные ценности и складывается взгляд на мир. И у меня возникает ощущение, что в одном из двух мест, где я только что побывал, меня обманывают. Но где именно – в музыкальном магазине или в школе? Либо меня обманывает читавший политинформацию завуч школы, он же глава партийной организации, либо продавцы и администрация магазина, куда, видимо, проникли враги и свили там свое подрывное гнездо, чтобы расшатать наше самое правильное и самое справедливое в мире общество. Но как тогда объяснить, что рядом с этим вражеским магазином находится пост милиции и стражи социалистической законности не спешат никого задерживать и арестовывать, вообще не придают никакого значения происходящему? Так юные жители Страны Советов уже на пороге своей взрослой жизни наглядно убеждались, что идеологическая модель, на которой выросли их родители, дедушки и бабушки, начинает давать ощутимый сбой.

С каждым годом этот процесс проявлялся все отчетливей и достиг апогея к 1989-му. В этом году во время Московского международного фестиваля мира, ставшего праздником для поклонников рок-музыки, на стадионе в Лужниках сотни тысяч москвичей и гостей столицы с восторгом слушали «великого и ужасного» Оззи Осборна, певца и музыканта, чье имя было внесено абсолютно во все «черные списки» исполнителей, запрещенных в СССР.

Я был на этом концерте и был уверен, что после него всех многочисленных слушателей переписут по фамилиям и будут вызывать в КГБ. Но ничего подобного не произошло, напротив, советская печать начала на все лады восхвалять гигантское достижение эпохи перестройки, гласности и демократии – первый полноценный фестиваль рок-музыки, то есть западной музыки, музыки идеологического противника. Концерт в центре Москвы, на ее главной площадке, внес разброд в и без того расшатанное мировоззрение молодых советских людей: в прессе рассказывали, как это хорошо, но одновременно никто не отменял списки, согласно которым все это очень плохо.

Советские школьники, практически безумев от всего происходящего, по мере взросления начинали искать ответы в газетах и журналах – тем более что на уроках политинформации поощряли и даже рекомендовали такое знакомство с течением политической и общественной жизни страны и мира. И вот тут обнаруживались очень странные вещи. В первую очередь то, что в какой-то момент у советского общества не осталось вообще ни одного собственного кумира, ни одного положительного героя в истории, начиная с Великой Октябрьской революции. В этом легко убедиться – достаточно полистать «перестроечные» издания и посмотреть, что и как там писалось. При этом повторяюсь еще раз: Запад никакого отношения к происходившему не имел, разговоры о подрывной деятельности наемников ЦРУ – не более чем треп. Все делалось по прямому указанию ЦК КПСС, и никакие иностранные разведки и спецслужбы в данном процессе не участвовали.

Дальше – больше. Когда советское общество утратило монолитность, многие граждане, в первую очередь, конечно же, молодые, стали задумываться – а так ли уж неправы, например, те, кто требует перемен в странах Восточной Европы? И СССР, к удивлению Запада, начал разрушать то, что раньше называлось социалистическим блоком или Организацией Варшавского договора.

Горбачев подписывает договор с президентом Соединенных Штатов Америки – еще недавно об этом нельзя было даже подумать, не то что вслух сказать.

В 1989 году в нашу образцовую московскую школу приехала американская делегация. Гости из-за океана – сейчас в это трудно поверить, но все так и было – привезли с собой коробки, забитые томиками Нового Завета на английском языке. Последнее обстоятельство не являлось серьезной проблемой, поскольку изучение английского в нашей школе было углубленным. Администрация школы ввела дополнительный урок – и раз в неделю мы знакомились с постулатами Евангелия в американском варианте. А ведь борьбу с религией – «опиумом для народа» – в СССР не прекращали и не отменяли! Конечно, велась она уже далеко не так активно, как во времена Брежнева и особенно Хрущева, но все равно считалось, что советские пионеры и комсомолцы – а мы и были таковыми! – не должны засорять свои светлые мозги знакомством со всякими поповскими выдумками. Теперь этот постулат опровергался на уровне школы. Я пытался найти ответ, как быть с этим противоречием, в газетах и журналах, но там подобное называли плюрализмом – еще одно модное перестроечное словечко – и убеждали, что на вещи надо смотреть шире, освобождаться от старых догм и зашоренности. Советских школьников всегда учили выполнять указания, полученные от старших. А теперь указания стали несовместимыми друг с другом.

Если бы это был разовый случай, можно было бы, наверное, построить теорию о том, что для победы над врагом необходимо его узнать, а значит, имеет смысл читать американские издания Нового Завета по-английски. Но в следующем, 1990 году в нашей школе ввели еще один дополнительный предмет, по которому предстояло сдавать экзамен. Теперь мы обязаны были читать и изучать книгу знаменитого философа русского зарубежья Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Я не был уверен тогда и не уверен сейчас, что даже среднестатистический взрослый гражданин России, прочитав эту книгу, многое для себя из нее вынесет – это совсем не массовое чтение. Представьте, каково было тогдашним комсомоль-

цам – когда нас принимали в ряды ВЛКСМ, мы изучали историю этой организации, историю революционной борьбы в царской России и так далее. И вдруг в наши головы начали вдалбливать диаметрально противоположное представление о священном для советских людей понятии «коммунизм».

Кому верить? Комсомольским активистам, которые продолжали нам внушать, что мы строим коммунизм и вот-вот к нему придем? Или школьным преподавателям, требующим читать Новый Завет и запрещенного еще вчера Бердяева? Все это лежало в абсолютно разных плоскостях.

Да и за пределами школы мы видели вещи, несовместимые со строительством коммунизма.

Я рассказываю свою историю, но, беседуя позже с самыми разными людьми, я убедился, что таким тогда было настроение всего общества – раздвоенным, разорванным, переломленным. Люди наблюдали явления, противоречащие друг другу, даже отрицающие друг друга, и их убеждали, что и то и другое – абсолютно правильно. Но ведь двух правд быть не может – так всегда считалось. Или теперь может быть и две правды, как учат проповедники плюрализма?

В результате всех этих идеологических и политических сдвигов школьники позднесоветского образца производили, мягко говоря, странное впечатление. Сейчас трудно представить, а тогда было в порядке вещей такое сочетание несочетаемого – пионерский галстук или комсомольский значок рядом со значком с портретом того же Оззи Осборна или другой западной рок-звезды. И это было не разнообразие взглядов на мир, а смешивание ценностей западной потребительской цивилизации и советского социалистического строя.

В последние годы существования Советского Союза – в 1990–1991-м – и вовсе стало модным носить комсомольский значок рядом со значком, на котором красовалось изображение... звездно-полосатого флага США! Американские флаги тогда вообще присутствовали везде – на плакатах, фирменных знаках, наклейках. Были, конечно, флаги и других западных государств – Британии, Германии, Франции, – но в гораздо меньшем количестве. Продавались они в разном виде на каждом углу и были очень популярны. Советская промышленность, как понятно теперь, очень много сделала для продвижения «нового мышления», буквально завалив прилавки флагами стран, которые еще недавно считались вероятными противниками в войне и непримиримыми врагами на идеологическом фронте.

Каково же было комсомольцам в условиях, когда они постоянно натывались на вражеские флаги? Ведь о завершении холодной войны на рубеже 1980–1990-х еще никто не говорил, тезис о том, что Советы капитулировали перед капиталистами, появился гораздо позже.

Мало того. Америка вместе с союзниками начала войну против Ирака в Персидском заливе. США – наш стратегический противник, многие в СССР знали, что план военной кампании для иракского лидера Саддама Хусейна разрабатывал генерал Макашов. Но осуждение американских бомбардировок Багдада на официальном уровне не прозвучало. Скорее наоборот, признавалась правота западных военных, карающих агрессивного и неадекватного иракского лидера.

А уроки по начальной военной подготовке – НВП – в средних школах? Теперь их заменили «Основами безопасности жизнедеятельности», а в то время считалось обязательным для школьника уметь разобрать и собрать автомат Калашникова за считанные секунды, владеть строевой подготовкой, знать основные положения воинских уставов. Преподавали этот предмет офицеры запаса. Представьте, что мог чувствовать и испытывать майор или полковник Советской армии, когда он входил в класс и видел у каждого ученика значок с изображением американского флага. Это допризывники, будущие солдаты – как же они смогут воевать с американцами, если носят на груди их государственные символы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.